

ДЕМОНЫ ВНУТРИ И СНАРУЖИ: КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

ДЕНИС ЛУШНЯНОВ
Родился в Москве, окончил
Институт журналистики,
коммуникаций и медиаоб-
разования МПГУ. Писатель
и журналист. Ведущий
подкастов, контент-мене-
джер издательских сервисов
«Литрес», обозреватель
радио «Нига».

ЕЛЕНА ОСАДЧАЯ, «СЕЗОН ВДОХНОВЕНИЯ» («ПОЛЫНЬ»)

Если взять и разобрать на составляющие психологический роман, построенный на преодолении абьюзивных отношений, и добавить туда изрядно греческой мифологии, то получится как раз «Сезон вдохновения». Но обо всем по порядку. Для начала стоит просто принять, что авторы «Полыни» удивительно любят онучать богов разных пантеонов в Петербург — исторический и современный. Елена Осадчая поселяет муз и верховных олимпийцев в современный мир, где они и по театрам ходят, и в Париж не дураны отправиться, и современные костюмы носят (Аид вообще пошил себе на заказ, по фигуре). Муза Нлио, главная героиня романа, привыкла работать с историей человечества, но никак не может разобраться с собственной историей. Героиня в отношениях с Зевсом, который — ох, вот удивительно! — относится к ней как к очередной игрушке. К тому же грядет сезон вдохновения — соревнование, из-за которого сестры-музы могут рассориться. Но вот Нлио встречает смертного художника Адама, спускается в Подземный мир, где чуть не погибает (а Зевс, которого она зовет, так и не приходит на помощь), и понимает, что в жизни надо что-то менять. В идеале — наказывать гордеца-громовержца. Для этого, возможно, придется идти на крайние меры — даже напрашиваться к мойрам и унижаться перед Герой.

«Сезон вдохновения» — это, конечно, чистой воды Диснейленд, где мифологические персонажи и сюжеты, подобно диснеевским мультяшкам (а они въелись в наше сознание так же крепко, как и мифы), соединяются с поп-культурой, а потому герои и знают «Доктора Кто» с его ТАРДИС, и смотрят «Ла-Ла Ленд», и слушают Боба Дилана. Елена Осадчая делает то же, что и американская киноиндустрия конца девяностых и начала нулевых: используя знакомые, устоявшиеся в массовом

сознании тропы и сюжеты (в данном случае мифологические), переиначивает их, осовременивает и насыщает темами, которые интересны и важны читателю в 2024 году. Оттого книга слегка напоминает условную «Нрасотну», «Блондинку в законе», «Дневники принцессы», «Поездку в Америку» — не самим сюжетом, конечно, а подходом к конструированию истории. Есть здесь этакое легкое и приятное ностальгическое ретро.

Но нельзя позволить обмануть себя. «Сезон вдохновения» — не комедия и не любовный роман; это попытка понять и описать природу токсичных отношений, а еще научиться разбираться в собственных желаниях (ведь давить тарананов у себя в голове сложнее всего). И сделано это вовсе не пошло. Елена Осадчая закручивает все события вокруг Нлио и онунает читателя в ее совершенно разные, но стопроцентно человеческие состояния: отчаяние, сомнение, страх. Героиня постоянно оказывается в стрессовых, критических ситуациях: таковы и покаяние перед Герой, и беда в Подземном мире, и первое позирование смертному художнику. Впрочем, всюду здесь оголенные нервы: еще немного — и в своей искренности текст может превратиться в автофиншен. Но нельзя зацикливаться только на Нлио, ведь Елена Осадчая не бросает и других персонажей. С любовью относится к первоисточнику, не сильно меняет его, но при этом будто подбирает наждому герою свой уникальный парфюм, который использует в меру. Аполлон — современный плейбой-шоумен, любящий своих муз; Зевс, уж простите, sugar daddy с тонной комплексов; Аид — бизнесмен, любящий иронию и умеющий сохранять лицо в любой ситуации; Харон не прочь пожевать халвы, а музы — вступить в отношения со смертными. И вновь мы возвращаемся к тому, с чего начали: мифологические архетипы наслаиваются на архетипы современности, и именно поэтому все в романе работает слаженно: сюжет, смыслы, подтексты. «Сезон вдохновения» — в меру красивая и очень личностная история, где боги ведут себя как боги. Что значит — как люди. А варианты разве остаются?

«— Это ведь Зевс, — говорю я, понимая, что разговоры о любви к нему не произведут на Терпсихору ни малейшего эффекта. — Не какой-то смертный или даже второсортный божок.

— Знаю, — тяжело вздыхает Терпсихора, сейчас больше похожая на вечно печально-торжественную Мельпомену, чем на саму себя. — Но то, что происходит, то, что он делает с тобой, с Герой, с остальными своими любовницами... Это неправильно, Клио. Какой смысл в отношениях, если они не делают тебя счастливой?

— Но я счастлива, — говорю с горячностью, которую не ожидала сама от себя. Обхватываю пальцами кулон, чтобы скрыть их дрожь. — Рядом с ним мне так хорошо, как не бывает ни с кем больше. Не хмурься, Терра. Вместе с тобой и Талией мне тоже хорошо, но не так, как с ним. С Зевсом... Я его люблю.

— Ты думаешь, что любишь его. Если бы ты его любила, то не плакала бы так часто из-за него. А он бы не связывался с тобой только тогда, когда ему хочется с кем-то переспать. — Терпсихора замечает, как я сжимаю кулон, и ее губы презрительно кривятся. — Ты таскаешь на себе эту безделушку, которую он подарил, уже несколько веков, не снимая. Вне зависимости от того, что на тебе надето и подходит ли этот кулон к наряду или нет. Так цепляешься за этот подарок, аж смотреть тошно».

АНГЕЛИНА И ВЕРОНИКА ШЭН, «КАНАШИБАРИ.
ПОКА НЕ ПОГАСНЕТ ПОСЛЕДНИЙ ФОНАРЬ. ТОМ 1»
(«НИСЛОРОД» И «ВНОНТАКТЕ»)

Подруги Хината и Минори оказываются в странном месте: повсюду городские развалины, на улицах — никого. Последнее, что они помнят, — как попали в аварию. Но вскоре девушки встречают первых людей и понимают — дела их плохи. Это странное место кто-то называет самой преисподней. Всё здесь работает по правилам традиционных японских игр. Ничего нельзя есть и пить, иначе умрешь, — пропитание добывается в небольших «азартных играх» — один герой верно замечает, что они похожи на побочные компьютерные квесты. Но это еще не самое ужасное. Все очутившиеся здесь каждые три дня обязаны проходить иные испытания — становиться участниками *кайданов*, традиционных страшных историй: нужно то поинуть дом с призраками, то провести ритуал изгнания демонов-они во время новогоднего праздника, то замуровать компаньона в бетонном столбе, как делали в древнем обряде во время постройки дома. Только выигрыш гарантирует выживание. Откажешься — тебя убьют демоны. Проиграешь — умрешь. Поговаривают, что кошмар кончится, когда минует сто таких историй. Но правда ли это? Как жить дальше? И что делать, когда пути подруг разойдутся? А если старинная легенда правдива и после сотога кайдана явится могущественное чудовище... Тогда никому несдобровать.

Дебютный роман Ангелины и Вероники Шэн — это во всех смыслах увлекательная и жуткая игра, «Джуманджи», которые попали в руки к знатокам японской культуры. Здесь, как уже понятно, всем правят игровые механики, где ставки высоки как никогда, — в руках у читателя оказывается колоритный хоррор, в который, наверное, могли бы попасть герои «Унесенных призраками» Хаяо Миядзакэ; атмосферой книга очень

уж напоминает первые минуты этого аниме. Авторы намеренно ослепляют и героев, и читателей — никто не понимает, что это за жуткий не-город. Все строят догадки и предположения, но не знают ничего наверняка. Досконально разобраться в вопросе за вечной чередой игр подругам некогда. Так и читателю «Нанашибари» не дают опомниться, постоянно перебрасывая из одного соревнования в другое. Выходит своего рода рамочная композиция — много мини-историй внутри глобального сюжета. Сами по себе бесконечные игры стали бы скучны — и некоторые из них, на фоне глобальной интриги, действительно кажутся затянутыми, — но авторы не вставляют ни одно соревнование с бухты-баракхты. В каждом поджидают пиковые точки, меняющие не только главных, но и второстепенных героев — их поведение и психологическое состояние.

Атмосфера «Нанашибари» невероятно гнетущая. Немудрено: вокруг все умирают, а Хинате и Минори нужно не только выжить, но и сохранить в себе человека. Ведь многие игры подстрекают к предательству. Так что глобально, несмотря на быстро развивающиеся события и вечные соревнования, это, с одной стороны, социальный эксперимент: помести группу людей в критические обстоятельства и посмотри, как они будут действовать — дадут ли волю диной, звериной сущности? С другой — это история о том, как сохранить себя и не навредить другим в мире тотальной тьмы, потому текст и сфокусирован на Хинате (и написан от ее лица). В первом томе героине не хватает более глубокого раскрытия, но можно быть уверенным, что в продолжении авторы еще нырнут в бездну ее сознания — намеков Ангелина и Вероника Шэн оставили достаточно.

Написанный с трепетным отношением к традиционной японской культуре и мифологии, «Нанашибари» онаявляется герметичен и внешне, и внутренне: героям не убежать ни из странного не-города, ни от собственных мыслей и решений. А потому роман — настоящий психологический триллер с колоритными хоррор-элементами и сюжетными поворотами, которых во втором томе, очевидно, станет больше. Ведь рано или поздно Хината узнает, как, зачем, и почему она оказалась в этом месте. И, возможно, увидит, что случится, когда будет рассназан сотый найдан — и погаснет сотый синий фонарь. Читательская интуиция подсказывает — ничего хорошего.

«Какое-то время мы шли молча, а потом забрели в аптеку. На полках лежали разнообразные лекарства, однако воспользоваться ими, как я предполагала, мы не могли. Передохнув какое-то время, утолив жажду и немного перекусив, мы вновь отправились бродить по городу. Наверное, в этом не было особого смысла, мы могли нарваться на неприятности, однако сидеть без дела и просто ждать казалось невыносимым. Мы создавали себе хоть какую-то видимость дела. Сбежали от дурных мыслей, сосредотачиваясь на ходьбе и разглядывании улиц.

Но голову все равно не покидала мысль о том, что завтра нас вновь ждало страшное испытание. Испытание, существование и необходимость которого мы еще даже не поняли и не приняли. Привычная жизнь изменилась так внезапно, изменилась на нечто не поддающееся логике и здравому смыслу.

Казалось, мы обе сошли с ума.

Однако это была реальность. Но я должна была вернуть себе свою настоящую жизнь».

ЕКАТЕРИНА ТЮХАЙ, «ДЕВОЧКА СО СПИЧКАМИ» («АСТ», ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ПРОЕКТА «ЛИТАГЕНТЫ СУЩЕСТВУЮТ»)

Рассказ о любой антиутопии лучше всего начинать со слова «представьте». Так вот, представьте Россию середины XXI века, где балом давно правят 3D-принтеры и нейросети, а о COVID-19 вспоминают нан о далёком прошлом. Нейросети, впрочем, даже получили свободу воли — случайно, благодаря юному уникуму. Но это так, нюансы. Ученая Нира разрабатывает проект «Напсула», который, с помощью все тех же нейросетей, поможет проникать в человеческие сны — видеть их, анализировать и даже менять; стирать травматические воспоминания. И вот ее стартапом вдруг активно заинтересовывается президент России Игорь Соколов, недавно похоронивший мать, в прошлом — звезду балета. Он хочет провести испытания на себе. Неужели все лишь ради того, чтобы ввести новый закон, который позволит наказывать за мысли? И какую роль во всем сыграет юная Полина, мечтающая о научной карьере и вынужденная жить с пьющим отцом?

Итак, представили все это? А теперь смело забывайте. Все жанровые элементы мира будущего — лишь инструменты в руках Екатерины Тюхай, которые нужны лишь для того, чтобы ярче обрисовать читателю, цитируя книгу, «ландшафт психики Соколова». «Девочка со спичками» лишь принимается антиутопией, а на деле оказывается скорее полноценным психологическим романом, где в центре — Игорь Соколов, его сознание, его настоящее и прошлое: детство с отцом-военным, заставляющим сына быть талантливым хоть в чем-то, и юность в «хабе», этаном современном аналоге колонии. Соколов, безусловно, центральная фигура повествования — и это еще одна не совсем типичная черта антиутопии, где авторы обычно сосредотачивают внимание на «маленьких людях» и их противоборстве системе. Здесь эта линия тоже появится — интригу особенно зададут таинственные переписки незнакомцев между главами, — но она — не основной движущий фактор романа.

У любого действия и решения, напоминает Екатерина Тюхай, есть объяснимые причины. У пристрастия президента к наркотикам, у желания тотально контролировать любую ситуацию — тоже. Искать причины нужно в прошлом, а значит, в голове, снах и воспоминаниях. Однако подробно в романе выписан не только сам Соколов: психологический «ландшафт» и Ниры, и Полины не менее разнообразен и важен для текста. Перед читателем, по сути, хитросплетение логических и психологических игр, обернутое в жанровый фантик; исследование души не просто всякого отдельно взятого человека, живущего в трудных обстоятельствах, в постоянной борьбе либо с социумом, либо с самим собой, но и всех сильных мира сего, которые при внимательном рассмотрении тоже могут оказаться людьми глубоко травмированными. Есть в романе и другой важный лейтмотив, обостряющий происходящее, — стремительно развивающиеся технологии и их место в мире. «Девочка со спичками» — смелый, фантурный и стилистически интересный роман, местами напоминающий «Центр тяжести» Алексея Поляринова. Но такое сравнение — условность. Екатерина Тюхай мыслит совершенно в ином ключе и работает с иными типажам.

«— Как всеобщая открытость влияет на вашу свободу? Если вы не нарушаете закон, то никак. Я живу под камерами почти двадцать четыре часа в сутки, исключая сон и походы в туалет. Вы можете видеть всю мою жизнь в прямом эфире, но вы по-прежнему ничего обо мне не знаете. О чем я думаю?»

Какие планы строишь? Что собираешься сделать? Вот и сейчас вы задали вопрос, который касается моих мыслей и планов насчет закона сто сорок семь. Представьте, если бы я мог делиться с вами не только результатом своей работы, но и процессом, причем напрямую из собственной головы? Наверное, это добавило бы вам уверенности в завтрашнем дне. Почему вам интересно, что я задумал? Почему вы из-за этого переживаете? – Его глаза сузились и потемнели, как у зверя перед прыжком, вызывая мурашки у сидящих в первых рядах. – Страх. Вы боитесь, что я сделаю что-то, что не согласуется с вашей картиной мира. Вы боитесь потерять контроль надо мной. Вы боитесь за свою жизнь. Задайте себе другой вопрос: а чувствуете ли вы себя в безопасности в этом случае? Скорее всего, нет. Так вот, закон сто сорок семь – всего лишь маленький шаг на пути к глобальному процессу освобождения человечества от планов, которые может построить и воплотить, например, преступник. От ощущения опасности. От непредсказуемых последствий. Как в свое время мы пришли к революции в медицине через профилактику болезней и прививки, так и сейчас мы оказались на пороге следующего скачка: эры профилактики опасных и угрожающих обществу ситуаций. Нормальный виток эволюции, только и всего. Апейт, если хотите. Так где здесь нарушение свободы? И да, спасибо за интересный вопрос».

АНАСТАСИЯ ЕВЛАХОВА, «ЛАМПА ДЛЯ ДЖИННА» («ПОЛЫНЬ»)

Если нажется, что «Старина Хоттабыча» невозможно превратить в мистину, граничащую с легким хоррором, нужно просто открыть роман Анастасии Евлаховой и дойти примерно до середины. Вовна — на самом деле ее зовут Влада, но это имя она не любит, — вот-вот должна сдавать ЕГЭ. Она ждет не дожидается взрослой жизни без

родителей. Экзамены, нервы, ночные переписки — и вот Вовке предлагают скачать каного-то «Джинна». Приложение, которое поможет с экзаменами. Тут-то и начинаются странности: пропадает свет в квартире, в голове звучат голоса, взрывается газ в соседних домах и... пропадают родители, которые должны были вернуться с конференции. А телефон Вовки словно сходит с ума. И все бы ничего, но начинают приходить сообщения с угрозами от незнакомца. Неужто это Джинн вырвался на свободу? Чтобы найти родителей и понять, кто ее мучает на самом деле, Вовке придется преодолеть собственные страхи, отправиться в другой город и сделать главный выбор: собственное будущее или семья?

В «Лампе для Джинна» смешиваются одновременно несколько интересных концепций: с одной стороны, это мистическая история о странностях, духах и призраках; с другой — попытка осовременить классического сказочного героя (собственно, Джинна). Он, бестелесный, приобретает власть над технологиями. И, помимо прочего, это роман-взросление, где Вовке нужно разобраться в отношениях и с друзьями, и с самой собой, а еще узнать большую семейную тайну — но тсс, мы же не хотим испытать шуточки Джинна на себе? Анастасия Евлахова играет с дымом и зеркалами — ее художественный мир полон иллюзий и недомолвок, которые пугают до тех пор, пока читатель не узнает тайну всех этих фокусов; ведь за всяким «происшествием» в романе стоит умелый фанкир, такой жуткий и ужасный волшебник из страны Оз, умеющий пускать пыль в глаза. Впрочем, не стоит думать, что Джинн здесь — безобидный озорник. У него есть цель. И он использует любые средства, чтобы прийти к ней. Почему Вовка жует пиццу с неной Светой, а Света эта берет и пропадает? Никто даже не слышал о ней. Почему в поезд Вовка с друзьями селись вчетвером, но к концу поездки все, даже проводница, заявляют, что их было трое? Морок развеется к финалу, когда фокусник раскроет себя — и это станет его роковой ошибкой.

Если на первых страницах книга действительно напоминает этианый техноретеллинг «Старика Хоттабыча», то дальше с каждой страницей текст все больше начинает пугать и напрягать, уходит в сторону мистики. «Лампа для Джинна» — роман сюжетный, построенный на диалогах, загадках и быстро сменяющихся друг друга действиях, за которыми даже не успеваешь уследить. Однако все они — части единого плана не таинственного Джинна, а автора, главная задача которого — держать читателя на крючке до конца. Что же, это удастся — вечер за чтением пролетает незаметно.

«Вовка хотела рассказать еще один эпизод — про Риту и ее брата, про несостоявшуюся встречу в заброшенном особняке, про отражения в зеркале (хотя верить в увиденное Вовка упорно отказывалась) и про то, как загадочно Рита перестала отвечать на сообщения. Теперь уже Вовке думалось, что исчезла Рита неспроста. Скорее всего, ее “способ” не сработал, и отвязаться от Джинна не удалось — вот потому-то она и не явилась, потому больше не выходила на связь. Незвестный ей попросту запретил, придумав новую забаву.

Вовку передернуло.

У нее-то с Джинном точно не покончено. Он ведь знает, где ее родители...

— Вы зря со мной поехали, — сказала Вовка. — Я не знаю, что от него ждать. Эта машина, мальчишка с камнем, взрыв газа...

– Вовк, – Леля подалась вперед. – Он тебя запугивал. Кем бы он ни был, настоящего вреда он никому из нас не причинил.
– Ага, как же, – вскинулась Вовка. – У тебя весь затылок в кровяще был! Я полбутылки перекиси на тебя вылила!
– Ну и что? На ногах стою – и ладно, – парировала Леля. – Не страшно».

АНАСТАСИЯ ПЕРНОВА, «СТЕРЕГУЩИЕ ЗОЛОТО ГРИФЫ» («МИФ»)

Визитная карточка Анастасии Перновой — алтайский колорит. Все пять историй, собранные под обложкой, построены на классических тропях и архетипах легенд и сказаний, обогащенных литературным языком. И именно детали быта, а также реальные мифы и сказки, вплетенные в сюжет и концепцию «Стерегающих золото грифов» (ранее выходили в крафтовом издательстве «ИРГА»), делают текст увлекательным и отчасти волшебным. Читатель будто действительно открывает старинные истории, тщательно отобранные культурологами и антропологами; испытывает тот же азарт, что школьник во время рассказов хорошего учителя о «чудесах» древнего мира. Тем более культура, с которой решает работать автор, не столь знакома широкому кругу читателей.

Нак и заявлено в аннотации, все тексты так или иначе связаны с алтайской принцессой (девушкой, которую археологи нашли во льдах). Однако это — не единственное, что объединяет пять историй внутри «Стерегающих золото грифов». Центральным, вернее даже сказать осевым, становится сказание о взрослеющем юноше Темире, Старой Шаманке и ее дочери — история-инициация о любви и преданности, о готовности пожертвовать собой не только ради кровных родственников, но и просто добрых людей. И именно на этот текст, словно пряжу, автор наматывает остальные истории: две из них поданы как сказки, которые за кадром рассказывал Темир, одна же сперва кажется совершенно спонтанной, но в финале все встает на свои места — это предыстория Старой Шаманки. Последняя сосредоточена на Ак-Надын, алтайской принцессе. Каждый рассказ «Стерегающих золото грифов» наполнен мифологическими и легендарными элементами: тут появятся и шаманы, и ритуальные татуировки, и духи, говорящие через камни, и жженая конопля, и Хозяева Тайги, и чудная динарка, которую придется учить одеваться и говорить «я тебя люблю». Анастасия Пернова работает по принципу мастера-мозаичника: выбирает только самые яркие и колоритные стеклышки и вклеивает их в сюжеты, которые лишь на достаточной дистанции собираются в цельную картину, а до того кажутся милыми, но несвязными картинками. И оттого «Стерегающие золото грифы» особенно хороши — они, по сути, пытаются повторить эффект любого реального сказочного или мифологического цикла, но при этом опираются на археологические находки. Автор, как видно из послесловия, ставит себе весьма понятную цель: рассказать историю живших когда-то давным-давно людей так, чтобы получилось похоже на правду. Если и спенулировать о прошлом, то только так — красиво и с научным подходом.

«Игла быстро и ловко ходила вверх и вниз. Кожу жгло огнем, кое-где выступили алые капли. Глаза Шаманки были пустые и страшные.

– Твой отец в прошлый раз передавал мне весть о тебе, Темир, – заговорила Шаманка потусторонним голосом, не прекращая работы. – Говорил, боится за тебя. Говорил, духи ходят за тобой, мутят разум. Говорил, сказ-

ками живешь, не видишь жизни вокруг. Блаженный ты, говорил. Дам друга тебе, защитника, иначе пропадешь. Мал ты еще, да ничего. Рука вырастет — поправим рисунок.

Темир никакого рисунка не видел. Там, где прошла игла, кожа вздувалась уродливыми красными буграми. Рука онемела, и он уже ничего не чувствовал. Сидел ссутулившись и покорно ждал, когда Шаманка отпустит. А она отложила иглу, придвинула ближе чашку с черным месивом, зачерпнула немного и принялась усердно втирать в руку Темира. Краска мешалась с кровью, образуя грязные потеки, похожие на талый снег, пополам с землей бегущий весной с гор. Боль вернулась ослепляющей вспышкой, и Темир почти потерял сознание».

РОННАТ, «ПОСЛЕДНИЙ ДАР» («ПОЛЫНЬ»)

Не совсем корректно говорить, что дебютный роман Роннат — это ретеллинг мифа о ящине Пандоры. Сюжет мифа становится лишь нарциссом сеттинга: в фэнтези-мире богиня-создательница Двудикая вручает каждому человеку шнатулку с Даром: это может быть, например, жуткий рог, оглушающий всех вокруг, клинок или посох, призывающий дождь; варианты бесконечны. Однако прежде чем получить дар, необходимо получить имя — его могут дать и в детстве, и в глубокой старости. Есть в этом мире и особые люди, так называемые *бесценные*, которые способны открывать чужие шнатулки — ведь не каждый справляется со своей. Лина, главная героиня, в детстве узнает, что она та самая бесценная, — и жизнь ее меняется. Родители говорят, что дочь ждет великие дела, друзья боятся с ней общаться, а иные отчаявшиеся и вовсе пытаются похитить. Но это еще ничего — Лине предстоит отправиться на коронацию принца Севира, чтобы открыть его шнатулку. Героине в целом не нравится эта

затя, а во время праздника шкатулка оназывается пустой. Лину обвиняют в воровстве, но она требует суда с участием самой богини. Только та почему-то не отвечает на зов — шокированы все. Так героиня и оназывается в изгнании — еще и с отрубленной рукой, — лишь чтобы узнать страшную правду о судьбе Дзуликой.

«Последний дар» (издатели поделили единый роман на две книги) собран из деталей классического эпического фэнтези: здесь есть и главная героиня с особым, непонятым и «сломанным» даром (а еще разноцветными глазами), есть глобальная угроза миропорядку (жуткий монстр, которого зовут Мастером), есть политические распри и грызня за наследство. Из тех же деталей собраны и романы мэтров жанра — на ум приходят, допустим Тэд Уильямс, Брендон Сандерсон, Роберт Джордан, — однако любой конструктор тем и хорош, что из одинаковых составляющих получаются совершенно разные тексты: читатель вроде бы понимает, что перед ним нечто знакомое, в голове звенят серебряные колокольчики узнавания; их тонкий голосок становится еще громче благодаря мифологическим мотивам, образующим хребет всей истории. При этом угадывается не только уже упомянутый миф о Пандоре. В образе Дзуликой, например, отчетливо видны элементы иконографии греческой Гекаты.

Да, «Последний дар», без сомнения, — новый взгляд на традиционное эпическое фэнтези. Но в то же время все вокруг иначе. Выводя на первый план историю Лики, оптики которой, к слову, в первой книге несколько не хватает, Роннат оберегает себя сразу от двух опасностей. Во-первых, текст не перегружен терминами и описаниями мироустройства, чем грешит большинство современных фэнтези-романов, и читается с большим интересом. Во-вторых, оптика Лики — да, ее маловато, но именно через нее читательский взгляд фокусируется на событиях, — кардинально меняет текст по сравнению с упомянутой классикой жанра. Это куда более личная и чувственная история ребенка, которого сперва лишили детства, а потом оклеветали. Лике пришлось не просто быстро повзрослеть и слишком рано взглянуть на мир в черно-белых тонах; «взрослость» накладывает на нее бремя, подобное тому, которое несет толкиновский Фродо. Героиня пона не ощущает, что в ее руках судьба мироздания, зато это прекрасно чувствует читатель.

Сочетание знакомых мотивов, ровного и в то же время интригующего сюжета, хорошего психологизма (особенно в этом ключе удалась линия принца Севира, которого мучают кошмары и угрызения совести) делает «Последний дар» чтением, которое не терпит спешки. Смесь же эпичности и мифологичности, фокус на личностном, а не общественно-социальном спектре тем помогает Роннату одновременно и вписать роман в традицию фэнтези, и показать, что автор не лыком шита — может пересобрать нонан, чтобы ничего не развалилось.

«— О, богиня послала мне глупую дочь! — восклицала Дора. — Ты понимаешь, что в шкатулке могут быть груды золота? Или лекарство от крысиной гибели?»

— А еще там может быть осиный рой, грозовое облако или смерть! Богиня могла повернуться ко мне и темным ликом! Как в легенде о бесценном Иове: его даром было зеркало, и всякий, кто смотрел в него, умирал! Я не хочу такого же! — кричала Лика и убежала в свою комнату.

— Она боится, — говорил Матар жене. — Вот подрастет...

— Она уже взрослая! Не могу дождаться, когда она поумнеет!

Ли́ка слышала эти разговоры, хоть родители и старались понижать голоса. Девочка забиралась под одеяло и плакала от обиды.

Дурацкий талант. Из-за него у нее не было друзей. В безымянном детстве Ли́ка не знала одиночества. Стоило стать бесценной, как другие дети перестали с ней общаться. Кто-то боялся, кто-то завидовал, а кому-то попросту запретили: вдруг бесценная откроет шкатулку по дружбе? Потом век не расплатишься!

Чтобы этого не случилось, Ли́ку никуда не отпускали одну и постоянно твердили о ее долге, о соглашениях с короной и великом предназначении. Мать говорила о безбедном будущем и славе, отец — о счастливой жизни и добрых поступках, которые она совершит».

ЮРИЙ НЕКРАСОВ, «ПРИЗРАНИ ОСЕНИ» И «ОСЕНЬ ПРИЗРАНОВ» («ЭНСМО»)

Сборники рассказов Юрия Некрасова обманчивы и парадоксальны, как любая призрачная тень на стене, — собственно, только так и надо работать со сверхъестественным. На первых порах истории кажутся причудливыми, если не сказать сюрреалистичными, и никак не связанными друг с другом. Но постепенно читатель начинает сопоставлять персонажей всех зарисовок, локации и сами события. В итоге жуткий дом, чудовище в подвале, призраки-игроки в понер на его «службе» и случайные, казалось бы, люди оказываются связаны. Но пересказывать сюжет этих текстов — такая же глупость, как с подружками-подростками лезть в проклятый старый дом. Мы, пожалуй, в эту ловушку не попадемся.

«Призраки осени» и «Осень призраков» — сборники для любителей хоррора в его истинном обличье, когда хватает и мерзких деталей (слюна и кровь наполняют рот, обрубни плоти, трупы, тарананы), и психологического напряжения. Юрий Некрасов играет с приемами киноиндустрии: берет лучшее и от малобюджетных ужасиков, где лишь бы показать всякой гадости в кадре, и от классики хорроров (и психологических триллеров), типа «Ведьмы из Блэр» или любого фильма Хичкока. Призраки тут — не просто аттракционное «бу»! У многих из них появятся предыстории; то есть персонажи, которых, казалось бы, можно ввести просто для антуража, получают свои психологические характеристики.

На марктеплейсах в описании можно прочесть, что сборники Юрия Некрасова похожи на истории Лавкрафта и Стивена Кинга — вот с этим стоит поспорить. Здесь нет ни космически-экзистенциального ужаса первого автора, ни бытовой (социальной) жести второго. Зато «Призраки осени» и «Осень призраков» по манере чем-то напоминают Эдгара Алана По, которому, правда, повезло все же посмотреть пару современных фильмов ужасов. У Юрия Некрасова нет-нет да и проскакивают очень необычные, запоминающиеся метафоры, да и общая атмосфера таинственности в целом навеивает воспоминания то ли о «Падении дома Ашеров», то ли о «Вильяме Вильсоне». Однако за ворохом образов и сюжетного напряжения спрятан напкан: тем, кто совсем не интересуется жанром, истории могут показаться чересчур... странными? Запутанными? Мерзкими? В общем, просто чересчур. Однако это не отменяет того, что книги Юрия Некрасова стоит попробовать на зубок и ощутить необычную манеру повествования. На вкус она, наверное, отдает солью и кислинкой — кровью и ржавчиной.

«Мало кто умел рассказывать свои галлюцинации так увлекательно, как Барби. Девочки обожали. Медсестры тайком приносили для нее заварные

пирожные и подслушивали в ночную смену, как она убаюкивает нежным, срывающимся от вдохновения голосом всю палату.

В тринадцать Барбару пришлось изолировать. Она выломала стальной прут из спинки кровати, проткнула им доктора Литтла, пересчитала ребра двум санитарам и все время кричала, раздирая глотку одним только именем: “Сара!” Несчастную нашли через три дня. Ее руки были туго стянуты полотенцем, ноги примотаны друг к другу и согнуты в коленях. Девочка лежала в дальней камерке, за гимнастическим залом. Когда-то здесь хранили маты и прочий инвентарь, а теперь царствовала пыль. Смерть чувствовала себя здесь отлично! Девочка была абсолютно нага, но к ее девичеству никто не притронулся. Врач, что нашел тело, рассказал только директору. Исчезновение Сары списали на побег. Перед директором в полный рост встали две проблемы: тело и убийца».

НАТЕРИНА РАЙДЕР, ЛИНА РО, «АЛЫЕ НЕБЕСА СЕУЛА» (MAINSTREAM)

В этой подборке как-то на удивление много киносравнений, так что не будем изменять себе и дальше — что поделаешь, когда такие тексты! «Алые небеса Сеула» — классическая романтическая кинокомедия в антураже Южной Кореи, где отношения героев, столкнувшихся случайно, развиваются в парадигме «от ненависти к любви». Хотя начинается роман вообще почти как шпионский боевик — Ним Сюджин сразу заявляет читателю, что не тот, за кого себя выдает: у него много личин и паспортов. И в крупную IT-компанию он устраивается не из-за желания карьерного роста. Его мотив — месть. Прямо перед собеседованием, которое должно стать первым винтиком в реализации коварного плана, он случайно помогает незнакомой иностранке — Марии Сооловой, которая, о ужас, тоже

претендует на его место. И получает его (хотя тут не все так просто). Отношения героев лихорадит от легкого флирта до лютой неприязни: то Мария ужасно благодарит Нима, то специально проливает его молочный коктейль в кафе, а то понимает, что жить без него не может, а с нынешним парнем пора расставаться. Любовь — штука такая, сами понимаете.

Катерина Райдер и Лина Ро пишут, по сути, историю о герое-тринстере, который отказывается от своих коварных планов (и тринстерских способностей) из-за любви — внезапной, как и всегда. Именно характер Нима Сюджина задает бешеную, драйвовую и хлесткую манеру всему тексту. В романе чередуются главы от лица Нима и Марии, притом многие события читателю специально показывают зеркально: сначала глазами одного героя, потом — другого. Сперва кажется, что это блуждание по кругу, но вскоре понимаешь: оптика событий чрезвычайно важна. В целом роман и завлекает тем, что герои не стесняются в выражениях и словно бы говорят с читателем один на один — получается очень, в лучшем смысле, разговорная история. К тому же такой прием добавляет тексту интимности — мысли и терзания героев будто подслушиваешь.

«Алые небеса Сеула» до ужаса уморительны и местами очень остроумны — здесь нет шуток ниже пояса, которые обычно так боишься встретить в подобном жанре. Но, как водится, не бывает хорошей романтической комедии без серьезных травм героев, сколько бы они ни кривлялись «на камеру»; в голове у них обычно те еще непростые химические реакции. Родители маленького Нима погибли в автокатастрофе, причем виноват во всем один из директоров той самой IT-компании; у Марии тяжелые отношения и с бойфрендом, и с матерью — та винит ее в смерти отца. Оба героя не так просты, как кажутся во время случайных столкновений, «выяснения отношений» и диалогов-каламбуров. Короче говоря, у Катерины Райдер и Лины Ро получается удивительно уютный,

но не прячущий под полу тяжелые темы роман, чем-то похожий на фильм «Предложение» с Сандрой Буллок. И знаете — кино по мотивам «Алых небес Сеула» правда хорошо бы посмотреть.

«Непрошенный попутчик удобно располагается рядом, глядя на меня невинным взором, припоминая, что именно я и пригласила его попить кофе.

– В прошедшем времени, да. Уже не актуально, – недовольно заявляю, уставившись в упор на прибывшего.

Но вместо попыток хоть как-то учесть мое мнение господин придурок говорит что-то на корейском водителю, и тот выезжает на дорогу.

Тяжело вздыхая. Отворачиваюсь. Прикусываю кончик языка, подавляя негативные эмоции. Да, он помогал мне, и в благодарность я позвала выпить кофе, причем дважды, значит, один раз высижу. Однако не обещаю, что буду милой и общительной. Имею полное право вести себя так, как и он накануне. Отличный план. Мне нравится. Игра началась! Расслабленно поправляю волосы, целиком и полностью игнорируя Ли. Переключаю внимание на телефон. Некрасиво и невежливо, но ничего не поделаешь, ведь не я задаю тон беседы. Поездка проходит в молчании. Отрываюсь от новостной ленты только в тот момент, когда такси останавливается».

ЛИЛИ ЛЭЙНОФФ, «МУШКЕТЕРНА» (POPCORN BOOKS)

Юная Таня де Бац страдает от постоянных головокружений — а для девушки, живущей во Франции XVII вена, это та еще проблема. Ведь как минимум давно пора выходить замуж. И тут выбранный родителями юноша вдруг отказывается от тебя, а его мать устраивает скандал — мол, не собирается портить родословную такими «болячками». Но Таня — не из тех девушек, что быстро сдастся и примет таной расклад; она идет наперенор многим нормам и устоям, да к тому же учится фехтованию у отца — ее даже прозвали мушкетерной. Но однажды отец пропадает и погибает при таинственных обстоятельствах. Таня отправляется в Париж, в этаную «академию благородных девиц» мадам де Тревиль, которая на самом деле оназывается... шнолой мушкетерон! Де Тревиль нует надры для самого кардинала Мазарини. Знакомство с высшим светом, обучение, раскрытие заговоров — вся эта головокружительная пляска становится для Тани лишь фоном, ведь главная ее задача — найти убийц отца. И понять — действительно ли он погиб? Ей до последнего хочется верить, что это так.

«Мушкетерна» похожа на красивый спектакль с пышными историческими костюмами и денорациями: здесь будут и красиво поставленные сцены фехтования, и типичные сословные предрассудки XVII вена, и абсолютно, опять же, театральная сцена с разоблачением главного негодяя. Но Лили Лэйнофф намеренно режиссирует все именно так, ведь «Мушкетерна» — вовсе не исторический роман, и даже не полноценный, как о книге иногда говорят, ретеллинг Дюма: это четко выверенный young adult, полный клише и тропов выбранной эпохи. И в данном контексте слова «клише» и «тропы» стоит воспринимать в положительном ключе — без них бы история развалилась. Историю о поиске и принятии себя автор потуже стягивает корсетом необходимых деноративных исторических элементов, но при этом предлагает читателю абсолютный сюжетный аттракцион. Отсюда вся театральность, которая книге идет только на пользу. Лили Лэйнофф принципиально важно, чтобы у читателя возникли ассоциативные связки с другими феноменами массовой культуры: мюзиклами, кино, литературой.

Безусловно, все проблемы, которые решает Таня, непросты: героине приходится сражаться и с внутренними демонами (ей к тому же часто мерещится, что кто-то зовет ее по имени), и с внешними обстоятельствами (помноженными на сословные, как уже было сказано, предрассудки). Авантюрная, полная интриг и коварных дворцовых заговоров — опять же, все в лучшем стиле приключенческих романов, — «Мушкетерка» остается прежде всего историей о духовном росте и борьбе с собственными комплексами, победа в которой должна изменить не только внутренний, но и внешний мир. Феминистичен ли этот роман? Конечно. Но в лучшем смысле. Автор помогает взглянуть на знакомую историческую эпоху и жанровые тропы через отличную от устоявшейся в приключенческих романах былых времен оптику — глазами Тани.

«Мне хотелось кричать. Хотелось броситься за ней, заставить ее рассказать все, что ей известно. У меня было столько желаний. Я постаралась проглотить их, и они камнем легли в желудке.

Все было как в историях о жизни при дворе, которые рассказывал мне отец: все эти аристократы, придворные партии, интриги и пороки. Все это было игрой. Мадам де Тревиль контролировала каждый наш шаг. Как мне увязать в своей голове образ женщины, которая требует почтения и отпускает язвительные комментарии, и той, что попросила племянника разработать блочный механизм и поверила, что у него получится? Которая решила, что это поможет мне? Что я окажусь достойной этого? Даже если я стала пешкой, подчиняющейся чьей-то воле, я должна быть сильной. Папа хотел видеть меня сильной.

И мне предстоит сделать много ходов».

АЛЬБА ДОНАТИ, «КНИЖНЫЙ ДОМИК В ТОСНАНЕ» («МИФ»)

Книги о книгах — настоящая терапевтическая панацея! Особенно когда весь текст выполнен в формате дневниковых записей умной и начитанной героини — издательницы Альбы Донати, которая решила открыть книжный магазин в глухой, зато родной деревушке в Тоскане. Как видите, весь основной сюжет уже и так уложен в аннотацию. Нужно следить за руками автора и фокусами, которые она подготовила: цитатами, аллюзиями и уютной, комфортной атмосферой.

Не стоит думать, что Альбе и ее магазинчику пришлось легко. Путь героини был «осложненным болезнями, пожарами и пандемиями». Последнее в контексте романа кажется особенно важным. Ведь, по сути, «Книжный домик в Тоскане» — это такой текст-костюм, который каждый читатель должен примерить на себя; можно быть уверенным — сядет он идеально, автор постаралась. Роман вызывает максимальное чувство сопричастности, особенно у много и запойно читающих людей: детство Альбы наполнено уютными чердаками и книжными полками, настоящее полно проблем и испытаний, с которыми в той или иной степени столкнулся каждый. Речь не только о пандемии — это и болезни близких, и внезапные экстренные ситуации, и прежде всего тарананы в голове и незакрытые гештальты. Интересный нюанс: роман разбит по формату календаря, по месяцам и датам. Каждая такая «календарная глава» кончается списком купленных в магазинчике книг. Если собрать все приемы Альбы Донати, прочувствовать текст и вернуться к его осмыслению, то сразу видишь — «Книжный домик в Тоскане» своего рода смесь автофикшена и мудрой сказки для взрослых, где сюжет — вторичен, эмоции — первичны. Не в плане импуль-

сивности: наоборот, все здесь пастельно, приглушенно и оттого комфортно. В художественном мире этого романа не можно, а нужно раствориться. Вот она, терапия без наних-либо таблеток.

«Эта лестница, разделенная на две части, – свидетельство начатой, но брошенной на полпути работы – стала местом, где рождаются мечты. Потому что когда я, повернув за угол и миновав эти пять окаянных шатких ступенек, добиралась наконец до чердака, то оказывалась в безопасности. Я смогла все преодолеть и теперь в своем царстве. Я устраивала воображаемый класс с детьми – каждый со своей тетрадкой – и проводила урок. Я играла роль учительницы, исправлявшей ошибки в моих собственных старых домашних заданиях, тех, что делала год или два назад. Или же принималась читать своего рода личную Библию: энциклопедию “Хочу все знать” издательства Фаббри из двенадцати томов плюс и четырех приложений. Полагаю, что и мое представление о моде появилось оттуда. Там были три страницы, посвященные римской обуви, которые буквально сводили меня с ума от восторга. Поэтому я купила себе две пары сандалий на манер римских рабынь с ремешками крест-накрест, доходившими до колена. Одни золотые, а другие белоснежные. Мне было около двенадцати лет – возраст Лолиты. В остальном же речь в энциклопедии шла о крайне серьезных вещах».

ЕВГЕНИЯ КРЕТОВА, «ПЕЧАТЬ КАЙНА» (NOSUGAR BOOKS)

Евгения Кретова ради собственного удовольствия отправляется в космические просторы Единой галактики (союза трех развитых рас), а заодно решает порадовать читателя увлекательной историей, где звезды, корабли, крионапсулы, странные растения, способствующие облысению, и андроиды — лишь необходимый пестрый фон. После зверского

убийства прокурора и его дочери — мотивы преступников совершенно непонятны — за дело берется начальник криминальной полиции Тиль Теон. Для него дело приобретает особенно острый характер: дочь прокурора была ему чуть ли не как родная; звала его дядей, а в детстве мечтала вырасти и стать такой же, как он. Тем временем совершенно в другом месте в особой капсуле оказывается юная Алита, которую случайно освобождает Агнар Тибо. Сначала он думает, что перед ним — рабыня для плотских утех, но после понимает, что ее знания говорят об обратном. Оказывается, Алита — условный биологический сосуд с чужими воспоминаниями и важной миссией. Она — ключ к расследованию Тили Теона. Чтобы открыть тому глаза на правду, ей хватит двух слов — «ахата мелео».

«Печать Наина» — детектив в космических декорациях. Евгения Нретова вновь доказывает, что, во-первых, детектив и космос — отличное сочетание; а во-вторых, научной (и околонучной) фантастике вовсе не обязательно быть «тяжелой». Все механизмы, истины, космические корабли в книге присутствуют и, более того, работают, не нарушая законов логики и физики, но при этом не вытесняют сюжет и персонажей на задний план. Роман Евгении Нретовой прежде всего о человеческих отношениях, а вот поиск связей между научными теориями и этикой, религией, мифологией оставим другим авторам — например, Нилу Стивенсону, — превращающим текст в полотно философских рассуждений. Такой подход тоже нужен, просто новинка Евгении Нретовой — не об этом. Здесь ярче всех солнц галактики светит даже не детективная загадка как таковая, а химия между героями, которые встретились в меру обстоятельств. Так что «Печать Наина» держится не столько на детективной линии, сколько на динамике отношений Агнара и Алиты: холодное и сухое общение постепенно перерастает в теплое дружеское. Весь текст ведет сперва к сценам, где к Алите с помощью научных изысканий возвращается память, а уже после — к прологу, где читатель видит кардинально изменившихся героев. Теперь их отношения еще крепче и теплее.

«Печать Наина» — космическая фантастика в духе раннего Лушняненко и «Путешествия в преисподнюю» Стругацких, где, однако, нет излишнего фона на социальной проблематике. Это увлекательное путешествие, в процессе которого читатель с большим удовольствием будет постепенно разоблачать главного злодея, виновника всех бед. И, как водится в детективном жанре — разворачивайся он хоть в далекой-далекой галактике, хоть на руинах эльфийского королевства, — потребность в справедливости будет восполнена. Только путь к ней — тернист и опасен.

«Она пробежала вдоль панорамного окна к другой портъере, из-за которой днем появился Божья. Там оказалась большая миска с кормом — огромными, с Алитину ладонь хлопьями неизвестного происхождения и состава. Они оказались разбросаны по полу, некоторые раздавлены лапами серебристо-лилового зверя. Те, на которые попала вода или слюны животного, размокли и источали приторно-мятный запах. Алита замерла, все еще не веря своим глазам — ей предложили лоток, корм и воду из общей миски со зверем неизвестной породы, который начинает линять.

Алита отошла от закутка, села у панорамного окна и заплакала, в голове пульсировало последнее, что она запомнила — она должна быть сильной, чтобы отомстить. Как ей это сделать, если она — животное у влиятельного креонидянина, в километрах от дома. План, так удачно придуманный при встрече с Агнаром — сделать его орудием собственной мести, — рассыпался на глазах».